

Ивета
Манессис Корпорон

Иветта
Манессис Корпорон

О чем шепчут
кипарисы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М23

Серия «Читаем везде!»

Yvette Manassis Corporon

WHEN THE CYPRESS WHISPERS

Перевод с английского *О.Л. Ляшенко*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Манессис Корпорон, Иветта.

М23 О чем шепчут кипарисы : [роман] / Иветта Манессис Корпорон ; [пер. с англ. О. Л. Ляшенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Читаем везде!).

ISBN 978-5-17-086201-6

«В шелесте ветвей кипарисов можно расслышать голоса, которые помогут избрать правильный путь в жизни. Этот дар уготован лишь избранным женщинам» — гласит старинное предание, в которое свято верят жители греческого острова Эрикуса.

Однако до легенд ли Дафне, хозяйке небольшого нью-йоркского ресторанчика, невесте преуспевающего финансиста? Долгие годы она шла к успеху, рассчитывая только на себя, и теперь наконец готова выйти замуж и начать новую жизнь — спокойную, без забот и волнений.

Накануне свадьбы Дафна приезжает на остров к бабушке. И здесь, в родном доме, шепот кипарисов заставляет ее задуматься: чего она хочет на самом деле? Действительно ли Стивен — тот, кто ей нужен?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Yvette Manassis Corporon, 2014
© Перевод. О.Л. Ляшенко, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086201-6

Моей маме и бабушкам

Спасибо, боги, вам за милость вашу!
Я не ждала и не надеялась ее получить.

Софокл. Антигона

Пролог

Остров Эрикуса, Греция

Август 1990

— *Yia sou, Yia-yia!** — крикнула Дафна, сбегая по стесанным каменным ступеням. До пляжа по грунтовой дороге было не больше четверти мили, но двенадцатилетней девчонке хотелось оказаться там как можно скорее, немедленно. Она неслась, едва касаясь ногами земли, остановившись лишь раз — сорвать ежевики с куста у дороги. Налившиеся соком черные ягоды были такими сладкими, что на мгновение для нее в мире существовали только они.

Но вот он, пляж, карамельно-желтый песок. Дафна бросила полотенце и побежала к воде, на ходу скинув кеды, белые, без шнурков — зачем нужны эти шнурки? Они только портят ей жизнь. Один башмак упал где-то справа, другой слева — и пляж тут же утратил девственный вид.

Наконец она замедлила шаг и, осторожно ступая, побрела к темным камням у самой кромки воды. Когда прохладные волны Ионического моря приветственно коснулись ее ног, Дафна тихо ахнула.

Она шла вперед, пока вода не поднялась до середины ее стройных бедер, а потом, в нетерпении постукивая пальцами, подняла руки над головой, присела, быстро встала на цыпочки и, выгнувшись дугой, нырнула. По-

* Пока, бабушка (греч.). — Здесь и далее примеч. пер.

грузившись в кристально чистую, безмятежную глубь моря, она открыла глаза.

А вот и они — ее молчаливые морские товарищи, по-прежнему там, где она оставила их прошлым летом. Дафна улыбнулась при виде черных морских ежей, выставивших колючки, а затем, сделав гребок и резко согнув ноги, развернулась. Под водой камни были облеплены морскими желудями, крупными, величиной с костяшку пальца. Куда бы она ни повернула голову, везде плавали рыбы самых разнообразных цветов и размеров. Она знала только греческие их названия: *tsipoura*, *barbounia** — и не задумывалась о том, как они звучат по-английски, — к чему ей это? Дома никто из знакомых детей ни разу не поинтересовался, как она провела лето, не говоря уж о том, чтобы обсуждать с ней каких-то там рыб. Честно говоря, они не утруждали себя и попытками заговорить с ней.

Дафна могла часами не вылезать из воды: она плавала, ныряла, предавалась мечтаниям и совсем не боялась. Она не чувствовала себя одинокой, хотя поблизости не было ни души. Девочки обычно с опаской относятся к тому, что таит в себе море. Но Дафна любила эту маленькую бухту за то, что она дарила ей тишину и возможность побыть одной. Море никогда не осуждало ее — наоборот, оно всегда радовалось ее появлению и приглашало поплавать. Морю ведь все равно, что потрепанный купальник, доставшийся ей от округлившейся кузины Попи, велик и в некоторых местах растянут. И морю совершенно нет дела, что даже здесь, за тысячи миль от их придорожной «таверны», на волосах Дафны все еще чувствуется слабый, но неистребимый запах дешевого растительного масла.

Здесь все это не имело значения. Море как крестильная купель каждое лето принимало ее снова и снова,

* Морской карась, барабулька (греч.).

и Дафна выходила из него чистая, свежая и обновленная. Ей нравилось думать, что камни не случайно образовали эту маленькую бухту. Словно обнимая ее, они берегли ее покой, пока она плескалась в теплых, ласковых водах. Здесь ничто не пугало: ни открытое море и его обитатели, ни взгляды девчонок с веснушчатой кожей, от которых пахло клубничным лосьоном.

Даже когда у нее сводило мышцы и легкие начинали болеть от слишком долгих задержек дыхания, Дафна знала, что еще не готова покинуть свою морскую обитель. И тогда она переворачивалась на спину и, лежа на воде, вглядывалась в яркое синее небо, все в кружевных облаках. Ей казалось, что кто-то нарочно их ткал, чтобы подчеркнуть красоту небес.

«Наверное, это совсем как узор Арахны. Понятно тогда, почему Афина так разозлилась, увидев его», — подумала она, вспомнив историю о дерзкой девушке, которую рассказывала ей бабушка. Арахна посмела заявить, что умеет плести кружево лучше самой Афины, и поплатилась за это: разгневанная богиня превратила ее в паука. Эти мысли развеселили Дафну, она улыбнулась. Вода играла с ней, набегающие на берег волны покачивали ее тело, ставшее невесомым.

Наконец она опустила глаза и, оглядев себя, поняла, что снова просидела в воде слишком долго. Ей, конечно, очень нравилось представлять себя одной из морских нимф, которые, если верить мифам, плескались в этих водах, но, как это ни печально, приходилось признать, что она всего лишь обычный человек. Кожа на пальцах сморщилась и, всегда оливковая, сейчас была белой с сероватым оттенком и покрылась синюшными пятнами. Пора возвращаться.

Собрав разбросанные по песку вещи, она взглянула на часы. Час сорок пять — надо же, как быстро пролетело время! Бабушка уже давно приготовила обед и сей-

час наверняка мерит шагами веранду, дожидаясь ее возвращения.

— *Yia-yia* убьет меня, — вздохнула вслух Дафна, хотя поблизости никого не было. Или она ошибается? Позабыв о полотенце, она оглядела маленький пляж. Какое странное ощущение, будто кто-то наблюдает за ней. А может быть, ее привлек звук, доносящийся откуда-то издали? Похоже, это поет какая-то женщина... Мягкий голос показался ей знакомым, но звучал он так тихо, что Дафна засомневалась, не почудилось ли ей пение.

Она снова повернулась к морю и взяла полотенце, чтобы стряхнуть с него песок. Зажмурившись, она подняла руки и резко их опустила. Полотенце взметнулось вверх, словно чайка в полете. Порыв ветра обжег холодом еще не обсохшую после купания кожу. Чтобы не упасть, она утопила пятки в песке и крепко сжала в руках полотенце, которое развевалось, как знамя, на холодном ветру.

Все так же не открывая глаз — песчинки, словно острые иглы, кололи ей лицо, — Дафна услышала вдруг, как ветер гнет ветви и шумит зеленью кипарисов, и застыла на месте. Это... это же... Она слышит... Сомнений не оставалось. Это не может быть ничем иным, кроме... Разжав пальцы, она открыла глаза. Полотенце, освобожденное, полетело вдоль пляжа. Какие желанные звуки... У нее было предчувствие, что это произойдет сегодня.

Ее сердце забилося сильнее. Возможно ли? Неужели это все наяву? Дафна помнила, что когда-то очень давно бабушка рассказала ей о шепоте кипарисов. Она тогда понизила голос и с благоговением поведала внучке, что у кипарисов есть свой особый, секретный язык. Деревья разговаривают утром, раскачиваясь от легкого бриза, и умолкают днем, когда ветер стихает. Бабушка много раз приводила Дафну к этим деревьям и просила при-

слушаться. Она уверяла, что кипарисы знают истину, но, как Дафна ни пыталась услышать тайные откровения, что они доверяют ветру, ничего у нее не получалось.

«Пожалуйста, прошу вас, поговорите со мной», — умоляла она, широко распахнув глаза, — наконец-то у нее появилась надежда услышать голоса кипарисов. Прижав к груди кулаки, она затаила дыхание, чтобы на этот раз, прислушавшись, наверняка различить их. Она повернулась в ту сторону, откуда, как ей казалось, доносились тихие звуки: это был самый дальний угол бухты, где заросли становились такими густыми, что даже она не могла набраться смелости и срезать через них путь домой. Ей стало нечем дышать, кружилась голова, но она ждала и молилась.

На этот раз тишину нарушило лишь глухое урчание ее пустого желудка.

Ее худенькие плечи поникли под тяжестью еще одного разочарования.

Вздыхнув, она потрясла головой, и капли воды с ее черных кудрей разлетелись во все стороны. Все напрасно. Никто не спел... и ничего не рассказал ей. А она так надеялась услышать красивый женский голос, поющий серенаду. Но невозможно получить от ветра ответы на все тайны жизни так же легко, как сорвать ягоду ежевики с куста. Дафна слышала лишь привычный скрип веток, покачиваемых ветром, и лиственный шелест.

«Ну и пусть, пусть молчат!»

Дафна отлично знала, что кое о чем деревья ей все же напомнили.

«Они говорят, что мне пора домой».

Она не стала стряхивать песок с ног и натянула кеды.

«Бабушка ждет меня. Пора возвращаться».

Глава 1

Остров Корфу

Наши дни

— Ну наконец-то! — на весь зал прилетов зычно воскликнула гречанка, довольно-таки тучная, и, приготовив объятия и расталкивая прибывших туристов, устремилась вперед. — Боже, вы только посмотрите на нее! Одна кожа да кости! Цыпленок, которого я ела вчера на ужин, и то был крупнее тебя!

Это была Попи, двоюродная сестра Дафны. На английском она до сих пор говорила с акцентом. Дафна бросила сумки на пол прямо в середине прохода для пассажиров. Попутчики морщились и чертыхались, спотыкаясь о ее багаж, но ей было не до них. Все происходящее вокруг ее совершенно не волновало. Она вернулась в Грецию после шести лет отсутствия и намеревалась, не теряя более ни секунды, упасть в приветственные объятия кузины, пусть даже проходящим мимо них людям это не нравилось. Попи и Дафна были особенно близки, как и их бабушки — родные сестры. *Yia-yia* Попи умерла, когда ее внучка была еще совсем маленькой. А *Yia-yia* Дафны делала все возможное, чтобы восполнить потерю, и относилась к Попи как к родной.

— О Попи! Как я рада тебя видеть! — воскликнула Дафна. Она раскинула руки и, обнявшись с кузиной, прижалась к ее теплой мягкой груди. Попи взвизгнула.

И они замерли. Затем Попи ослабила объятия и отстранилась от Дафны, чтобы как следует рассмотреть ее.

— Кожа да кости, и не спорь со мной! И все же ты очень красивая. Ах, Дафна, твой Стивен такой счастливчик! Ты будешь чудесной невестой! — Попи радостно захлопала в ладоши, а потом вдруг замерла, наклонила голову к плечу и, прищурившись, приблизилась к Дафне. — В тебе что-то изменилось...

— Я похудела.

— Нет, что-то другое, — не отставала Попи, вглядываясь в ее лицо.

Дафна дотронулась до своего носа. Они со Стивеном смеялись над этой операцией, говоря, что работа косметического хирурга — это своего рода этническая чистка.

— Ах, вот в чем дело! Ты про нос? Я его исправила.

— Исправила? Ты что, ломала нос?

— Нет, я его слегка уменьшила, — со смехом объяснила Дафна, глядя на Попи, которая тут же принялась ощупывать свой греческий «шнобель».

— Мне было тяжело дышать по ночам, и врач сказал, что операция поможет.

Но Попи не желала слушать никаких объяснений:

— Моя родная кузина выходит замуж за богатого *Americanos!* И может купить себе все, что только пожелает, даже новый нос! — Она хихикнула. — Я так рада за тебя, Дафна *tou!* Да, кстати... Ну-ка, ущипни свою любимую кузину, чтобы мне передалось хоть немного твоей удачи. В Греции для меня не осталось ни одного подходящего мужчины! — Попи с отвращением сплюнула на пол.

Дафну позабавило представление, которое разыграла сестра, но она понимала, что у Попи есть все основания жаловаться. К тридцати четырем годам она была еще не замужем и, по греческим меркам, уже числилась в старых девах. Время от времени она с кем-то встречалась,

но ни одному парню не удавалось заинтересовать ее больше, чем на несколько недель. Но, хотя Попи любила посетовать на отсутствие мужчин в своей жизни, она, в отличие от других жительниц их маленького острова, желающих создать семью, не собиралась снижать требования к потенциальному мужу. Попи всегда стремилась к большему, как и ее кузина.

Дафна завела руку за спину и вывела вперед пятилетнюю Эви, которая все это время пряталась за материнской юбкой.

— Попи, познакомься с Эви.

— О боже! Что за ангелочек! — на этот раз Попи взвизгнула еще громче. Она наклонилась к девочке и одновременно запустила обе руки в сумку, пытаясь там что-то нащупать. — Ох, ну где же она? Я ведь точно ее положила... — бормотала она, вытаскивая то ключи, то пачку сигарет, то фантики от конфет — весь мусор, которым была забита ее необъятная сумка из коричневой кожи на длинном ремне.

Эви молча разглядывала незнакомую женщину, внешне очень похожую на ее мать, только гораздо более крупную, с какой стороны ни взгляни. Не выпуская руку матери из своей, она предприняла попытку снова спрятаться за ее спину.

— Да, я вижу, ты немного стесняешься. Ничего страшного, — улыбнулась ей Попи, найдя наконец то, что искала, — маленькую игрушечную собачку. — Я решила, что она тебе понравится.

Мягкая игрушка сотворила чудо. Сдержанность Эви как рукой сняло, и она осторожно потянулась к Попи. Улыбнувшись, малышка взяла собачку и прижала ее к груди.

— Эви, что нужно сказать? — напомнила дочери Дафна.

— Спасибо, — послушно отозвалась девочка.

— Эви, меня зовут Пенелопа, я кузина твоей мамы. Ты можешь звать меня тетя Попи.

В Соединенных Штатах Попи считалась бы двоюродной сестрой Эви, но на греческой земле была ее тетушкой. В Греции так заведено: младшие всегда оказывают знаки уважения старшим, и этим нельзя пренебрегать. Назвать кого-то *thea* или *theo* — тетя или дядя — значит проявить уважение, а не указать на родство.

— Я понимаю, мое имя звучит забавно, — продолжала стрекотать Попи, — но его придумала твоя мама. Ай-ай-ай, Дафна! — Она подняла глаза и, погрозив кузине пухлым пальцем, снова повернулась к девочке. — Когда мы с твоей мамой были такими же маленькими, как ты сейчас, — она коснулась пальцем кончика носа Эви, — моя семья на несколько лет переехала в Нью-Йорк. И мы с Дафной были очень-очень близки, как родные сестры! — Попи широко улыбнулась. — Твоя мама изо всех сил старалась выговорить мое имя, но у нее ничего не получалось. Пе-не-ло-па... Ты можешь повторить?

— Пе-не-ло-па-а-а.

— Отлично! — Попи еще ближе придвинулась к Эви. — А вот у твоей мамы не получалось, и она начала называть меня Попи. И теперь все зовут меня так.

Эви подняла глаза на Дафну.

— Мама, ты когда-то была маленькой?

— Да, Эви, была, но очень давно... — Дафна посмотрела на дочь, пытаясь вспомнить то время, когда она сама была пятилетней, бесхитростной и жадной до интересных историй, которыми готовы были поделиться с ней взрослые.

— Пойдем, — скомандовала Попи, поднимаясь на ноги и отряхивая с черной юбки серую вокзальную пыль. — Мы напрямик едем ко мне, ты примешь душ, отдохнешь... Эви, а ты устала?

— Нет! Нисколючко! — Эви покрутила головой и потянулась к своему розовому детскому чемоданчику.

— Знаешь, мы отлично выпались в самолете! — оживленно заметила Дафна, собирая багаж. — Мы летели первым классом, а там сиденье раскладывается в полноценное спальное место. Я не шучу — оно получается совершенно плоское, как настоящая кровать. — Она взялась за ручки больших черных чемоданов на колесах, а белый чехол со свадебным платьем зажала под мышкой.

— Давай я понесу его, — предложила Попи, забирая у Дафны чехол.

— Эй, Попи, а в детстве ты вела себя по-другому!

— Вот как меняется жизнь! — фыркнула Попи и протянула руку Эви. Малышка замялась, но все-таки подала свою ручку.

— Мне тоже надо найти мужа! — сказала Попи, когда они двинулись к выходу. — Богатого *Americanos*! Ты ведь мне поможешь? Обещаешь?

— Такого, как Стивен? — откликнулась Эви.

Попи кивнула.

— Да, непременно такого. Мне нужен красивый, богатый *Americanos*, который будет меня все время смешить и сделает счастливой! — заявила она и ногтями пощекотала Эви ладошку.

Дальше они пошли держась за руки. Стоя в душном зале аэропорта, Дафна крутила на пальце бриллиантовое кольцо и наблюдала за дочкой и кузиной, которые уже выходили через раздвижные двери на яркое солнце Корфу. Она сделала шаг, чтобы догнать их, но тут в глубине сумки зазвонил мобильный телефон. Дафна не сразу нашла его, но все же успела ответить до того, как включился автоответчик.

— *Yia sou*, мы на Корфу.

— Значит, уже долетели? Отлично! Я надеюсь, у вас все в порядке? — забросал ее вопросами Стивен. Он звонил из Нью-Йорка.

— В порядке, но очень ждем, когда ты приедешь, — ответила Дафна и, прижав телефон плечом к уху, снова взялась за ручки чемоданов и покатила их к выходу, — а по другую сторону терминала ее ждал сухой и жаркий полдень.

Дорога до дома Попи в Керкире — столице Корфу — на машине занимала десять минут. Дафна и Эви с удовольствием смотрели по сторонам. Сестры показывали девочке местные достопримечательности.

— Видишь вон там, в море, маленький зеленый островок? — спросила Дафна, показывая пальцем в окно.

— Да, — ответила Эви.

— Это *Pontikonisi*.

— Что это значит?

Вмешалась Попи:

— Сестренка, я могу предположить, что Эви не сильна в греческом, но неужели ты скажешь, что она вообще его не знает? — Она оторвала взгляд от дороги и посмотрела на Дафну.

Проигнорировав вопрос, Дафна ответила дочери:

— На греческом, милая, это означает «мышинный остров». Видишь вот ту белую тропинку, которая ведет к старому монастырю? Считается, что она похожа на мышинный хвостик.

Дафна рассмеялась, вспомнив, как в детстве она думала, что остров называется так потому, что на нем живут гигантские мыши. И свой восторг, когда позже, уже подростком, узнала, что именно в том месте потерпел крушение корабль Одиссея. Ей нравилось бывать на *Pontikonisi*, гулять по древним тропам, мечтать